

Вертел — эпизод 4 из 7

Очень весело!.. Вот, смотри! И какая ручка светлая, точно отполированная. А Прошка походит на галчонка, который жил у нас. Настоящий галчонок...

Мать Володи заглянула в угол Прошки и только покачала головой.

Какой он худенький! пожалела она Прошку. Он чем-нибудь болен?

Нет, ничего, слава богу! объяснил Алексей Иваныч. Круглый сирота, ни отца, ни матери... Не от чего жиреть, сударыня! Отец умер от чахотки... Тоже мастер был по нашей части. У нас много от чахотки умирает...

Значит, ему трудно?

Нет, зачем трудно? Извольте сами попробовать... Колесо, почитай, само собой вертится.

Но ведь он работает целый день?

Обыкновенно...

А когда утром начинаете работать?

Не одинаково, уклончиво объяснил Алексей Иваныч, не любивший таких расспросов. Глядя по работе... В другой раз часов с семи.

А кончаете когда?

Тоже не одинаково: в шесть часов, в семь, как случится.

Алексей Иваныч приврал самым бессовестным образом, убавив целых два часа работы.

А сколько вы жалованья платите вот этому Прошке?

Помилуйте, сударыня, какое жалованье! Одеваю, обуваю, кормлю, все себе в убыток. Так, из жалости и держу сироту... Куда ему деться-то?

Дама заглянула в угол Прошки и только пожала плечами. Ведь это ужасно: целый день провести в таком углу и без конца вертеть колесо. Это какая-то маленькая каторга...

Сколько ему лет? спросила она.

Двенадцать...

А на вид ему нельзя дать больше девяти. Вероятно, вы плохо его кормите?

Помилуйте, сударыня! Еда для всех у меня одинаковая. Я сам вместе с ними обедаю. Прямо сказать, в убыток себе кормлю; а только уж сердце у меня такое... Ничего не могу поделать и всех жалею, сударыня.

Барыня отобрала несколько камней и просила прислать их домой.

Пошлите камни с этим мальчиком, просила она, указывая глазами на Прошку.

Слушаюсь-с, сударыня!

Последнее желание не понравилось Алексею Иванычу. Эти барыни вечно что-нибудь придумают! К чему ей понадобился Прошка? Лучше он сам бы

принес камни. Но делать нечего, с барыней разве сговоришь? Прошка так Прошка, пусть его идет; а у колеса поработает Левка.

Когда барыня уехала, мастерская огласилась общим смехом.

Духу только напустила! ворчал Ермилыч. Точно от мыла пахнет...

Она и Прошку надушит, соображал Спирька. А Алексей Иваныч охулки на руку не положил: рубликов на пять ее околпачил.

Что ей пять рублей? Наплевать! ворчал Ермилыч. У барских денежек глаз нет... Вот и швыряют. Алексей-то Иванычу это на руку. Вот как распинался он перед барыней: соловьем так и поет.

Платье на ней шелковое, часы золотые, колецо сколько... Богатеющая барыня! Ну, это еще неизвестно. Одна видимость в другой раз. Всякие господа бывают...

Дорогой маленький Володя объяснил матери, что Прошка вертел.

Что это значит? не понимала та.

А вертит колесо, ну, и вышел: вертел. Не вертел, мама, а вертел.

Бедного Прошку часто занимал вопрос о тех неизвестных людях, для которых он должен был с утра до ночи вертеть в своем углу колесо. Другие дети веселились, играли и пользовались свободой; а он был точно привязан к своему колесу. Прошка понимал, что у других детей есть отцы и матери, которые их берегут и жалеют; а он круглый сирота и должен сам зарабатывать свой маленький кусочек хлеба. Но ведь круглых сирот много на белом свете, и не все же должны вертеть колеса. Сначала Прошка возненавидел свое колесо, потому что, не будь его, и не нужно было бы его вертеть. Это была совершенно детская мысль. Потом Прошка начал ненавидеть Алексея Иваныча, которому его отдала в учение тетка: Алексей Иваныч нарочно придумал это проклятое колесо, чтобы мучить его.

Когда я вырасту большой, раздумывал Прошка за работой, тогда я отколочу Алексея Иваныча, изрублю топором проклятое колесо и убегу в лес.

Последняя мысль нравилась Прошке больше всего. Что может быть лучше леса? Ах, как там хорошо!.. Трава зеленая-зеленая, сосны шумят вершинами, из земли сочатся студенья ключики, всякая птица поет по-своему, умирать не нужно! Устроить из хвои шалашик, разложить огонек, и живи себе, как птица. Пусть другие задыхаются в городах от пыли и вертят колеса... Прошка уже видел себя свободным, как птица.

Убегу! решал Прошка тысячу раз, точно с кем-нибудь спорил. Даже и Алексея Иваныча не буду бить, а просто убегу.